

Когда Цэнь Ян впервые взглянул на результаты анализа волосяных луковиц, выданные роботом-пауком, его, как и Лу Чжао секундой ранее, настигло разочарование. Однако почти сразу же он заметил, что прибор зафиксировал еще один пакет данных.

Затаив дыхание, молодой Альфа развернул скрытую вкладку. В ту же секунду внутренний голос, так настойчиво твердивший не обольщаться и не строить пустых иллюзий, внезапно смолк.

Перед глазами Цэнь Яна предстал настоящий сюрприз.

— И все-таки... почему именно земля? — озвучил он вопрос, повернувшись к другу.

— Судя по показаниям прибора, в этих образцах почвы содержится особое вещество, — Цэнь Ян нахмурился, пытаясь увязать факты воедино. — Да, обычно его используют при изготовлении лекарств, и я точно помню, что в рецептах тетушки Вэнь оно фигурировало. Но вот что странно: все настои и микстуры для нее ежедневно готовил домашний робот. Не мог же он в разгар варки отправиться на прогулку по саду?

Лу Чжао тоже прекрасно это понимал. Склонившись над раскрытым корпусом робота-паука, он быстро пролистывал всплывающие строчки отчетов, лихорадочно сопоставляя детали.

— Не только это вещество, — пробормотал он, скорее рассуждая вслух, нежели обращаясь к другу. — Прибор выявил и другие примеси, пусть и в совсем ничтожной концентрации... — Лу Чжао осекся, взгляд его стал жестким. — Ты прав, во время подготовки робот не отлучался в сад. Но что происходило после того, как он подносил чашку маме?

Тёмный Филин, внимательно прислушивавшийся к разговору, не выдержал и вставил свои пять копеек:

— Может, он просто расплескал лекарство по дороге? Хотя... глупость какая-то.

Лу Чжао покачал головой:

— Исключено. Робот у мамы высочайшего класса, подобные нелепые промахи для него невозможны. Да и будь это случайностью, концентрация химии в земле не оказалась бы столь высокой, что мы обнаружили ее, наугад зачерпнув первую попавшуюся горсть.

Тёмный Филин лишь озадаченно цыкнул, признавая свое поражение в этой детективной головоломке. Цэнь Ян же, напротив, озвучил страшную догадку, понизив голос до шепота:

— Если дело не в машине... значит, тетушка Вэнь сама выливали лекарство в клумбу?

Лу Чжао промолчал. Но в глубине души он пришел к точно такому же выводу. Когда отбрасываешь все заведомо невозможные варианты, оставшийся, каким бы безумным он ни казался, и есть истина.

Но зачем ей это понадобилось? Выливать микстуру означало сознательно обречь себя на ухудшение состояния. Она словно добровольно отказалась от борьбы и молча приготовилась к неизбежному концу.

Лу Чжао отказывался в это верить. В груди разверзлась ледяная пустота, готовая в любую секунду поглотить его без остатка.

Цэнь Ян с тревогой взглянул на друга, мысленно ругая себя за излишнюю прямооту. Впрочем, скрывать правду не имело смысла — Лу Чжао и сам все прекрасно понимал.

Помедлив, Цэнь Ян уже открыл было рот, чтобы окликнуть его, но Лу Чжао резко переменялся в лице. Он стремительно занес ладонь над сенсорной панелью робота-паука, заставляя голограмму сменить интерфейс.

Приглядевшись, спутники увидели, что он вывел на экран личный профиль госпожи Вэнь в Звездной сети.

Оба недоуменно переглянулись. Цэнь Ян сориентировался первым:

— Хочешь проверить, не оставила ли она каких-нибудь зацепок в сети? — Он вздохнул. — Но мы ведь перерыли ее страницу вдоль и поперек.

Едва восстановив связь, Лу Чжао первым же делом попытался выйти на контакт с матерью. В те дни он без конца обновлял ее профиль, отправляя десятки безответных сообщений. Все было тщетно.

И вот знакомый интерфейс снова развернулся перед ними. Настроив фильтр публикаций по месяцам, Лу Чжао разделил экран на несколько секторов. Перед глазами замелькали посты, репосты и фотографии за последние полтора года.

Даже постороннему Тёмному Филину бросилась в глаза очевидная странность, не говоря уже о близких.

— Посмотрите на январь и февраль, — указал он пальцем. — В эти два месяца она публиковала посты гораздо чаще обычного.

С февралем все было кристально ясно. Тогда парни гостили у нее в Лолайсо. Практически все свободное время они посвящали госпоже Вэнь. Окруженная их заботой, она светилась от счастья и с упоением делилась в блоге кусочками своей тихой радости: фотографиями

распустившихся в саду цветов, кадрами с ярких представлений на курортных планетах и даже снимками уставших, но довольных парней, спускающихся из кабин своих мехов.

Но почему всплеск активности пришелся на январь?

Лу Чжао и Цэнь Ян сдвинули голограммы поближе, скрупулезно изучая январские записи.

— «Надо же, домашний повар сегодня превзошел сам себя. Ягодные тарталетки вышли изумительными, не удержалась и съела сразу три штуки», — зачитал Цэнь Ян.

— Тут про погоду... А вот эта запись посвящена зимнему саду.

На прикрепленной к посту фотографии госпожа Вэнь сидела в своем любимом кресле у панорамного окна. На коленях лежал теплый плед, на изящном столике остывал чай со сладостями, а за стеклом раскинулся окутанный легкой дымкой сад.

Внизу виднелись комментарии. Лу Чжао нашел свой старый отзыв, где хвалил зимние цветы, и мамин ответ: она писала, как сильно ждет его и Цэнь Яна на каникулы, чтобы вместе пройтись по дорожкам и посмотреть, как изменился их любимый уголок за полгода разлуки.

— Смотрите сюда, — выдохнул Лу Чжао, приближая снимок.

Картинка за окном стремительно масштабировалась, словно переноса их в тот самый день. Фокус сместился на кусты роз у самого стекла. Лу Чжао зафиксировал изображение на одной-единственной ветке. На темно-зеленом листе запеклась крошечная капля мутно-бурой жидкости.

Тёмный Филин растерянно почесал затылок:

— И... что это нам дает?

Цэнь Ян ответил вместо друга, и его голос дрогнул от догадки:

— Тетушка Вэнь начала выливать лекарство не в марте. Гораздо раньше. По крайней мере, еще в январе.

Новые вопросы лавиной обрушились на парней. Цэнь Ян потер виски, стараясь разложить все по полочкам:

— Погодите, давайте сопоставим факты. Во-первых, в январе ее показатели действительно поползли вверх. Мы же сами видели медицинские отчеты за тот период, динамика была

исключительно положительной. Во-вторых, в феврале, когда мы прилетели в Лолайсо, она буквально расцвела. Мы ведь своими глазами видели, что ей стало намного лучше. А в марте... — Цэнь Ян осекся, его глаза расширились. — Лу Чжао! Напомни, в каком месяце твой отец покинул Лолайсо?

— В январе, — глухо отозвался тот.

В комнате повисла звенящая тишина. Тёмный Филин шумно сглотнул.

Картина наконец сложилась в единое, пугающее целое. Лу Чжао и раньше замечал, что мамино настроение резко улучшилось в начале года, но списывал это на банальное облегчение от отсутствия дома тирана-мужа. Теперь же становилось ясно: за этим крылось нечто куда более зловещее.

— Но почему она ничего нам не сказала? — прошептал Лу Чжао. — Если она догадывалась, что с лекарством что-то не так, почему промолчала?

Более того, когда они вернулись на каникулы, она послушно принимала каждую чашку из рук робота у них на глазах. Ни разу не попыталась вылить настой! Но почему?

Цэнь Ян долго молчал, подбирая слова.

— Думаю, сначала она и сама не связывала свое самочувствие с микстурой. Возможно, это был просто минутный порыв. Бунт против удушающей обыденности.

«Просто в какой-то день ей до смерти наскучило влачить полуживое существование, запертой в четырех стенах, и в ее душе вспыхнула робкая искра протеста».

«Но рассудок твердил, что глупо отказываться от лечения. И когда любимый сын вместе с мальчиком, которого она вырастила как родного, переступили порог дома, окутав ее теплом и заботой, она снова покорно потянулась к чашке. Наверняка она мысленно пообещала себе больше не совершать глупостей. Мальчики выросли, впереди их ждала долгая, яркая жизнь, и ей так хотелось пройти этот путь рядом с ними. Она искренне верила, что у нее еще полно времени. Что она сможет дышать полной грудью».

К несчастью, судьба распорядилась иначе.

Еще до того, как парни вернулись, Лу Шэн успел пометить другого Омегу. Многолетняя неприязнь к опостылевшей супруге вырвалась наружу. Ради новой «идеальной пары», ради баснословного наследства и свободы, которую госпожа Вэнь загораживала собой, он пошел на самое страшное преступление. И хладнокровно привел свой план в исполнение.

Расправиться с ней до того, как начнется подготовка к новой свадьбе. А после — цинично

разводить руками перед объективами репортеров, разыгрывая полное неведение и хладнокровно заявляя, что их пути с первой супругой разошлись уже очень давно.

Лу Чжао резко вскочил с места.

Цэнь Ян и Тёмный Филин испуганно замерли. Лу Чжао стремительно пересек комнату и занес руку над сенсором замка. Но нажать кнопку так и не решился — пальцы замерли в миллиметре от глянцевого пластика.

После вчерашнего визита истинное лицо Лу Шэна не вызывало сомнений. Стоит перешагнуть этот порог без маскировки и засветиться хоть в одном объективе уличной камеры, как головорезы, уничтожившие весь отряд Тёмного Филина, объявят на него охоту. Его сотрут, как стерли маму. И в этом огромном, равнодушном мире не останется никого, кто хотя бы вспомнит об их существовании.

Рука Лу Чжао мелко дрожала.

В тишине за его спиной раздались тихие, размеренные шаги.

Это был Цэнь Ян. Только он. Они выросли плечом к плечу, деля на двоих самые темные и горькие моменты жизни. Их путь не был простым, они совершали ошибки и ранили друг друга, но в конечном счете Лу Чжао всегда выбирал его. И знал, что этот выбор взаимен. Теперь пришла очередь друга подставить плечо.

Шаги стихли у самого плеча. Лу Чжао ощутил тепло чужого тела, а в следующую секунду крепкие руки бережно обхватили его со спины. Цэнь Ян прижал его к себе, положив подбородок на плечо. Не произнес ни слова — да и к чему были слова, когда объятия говорили яснее любых клятв?

«Я здесь. Я рядом и никуда не уйду. Что бы ни случилось, ты не один. Ты — самое дорогое, что у меня есть...»

Горло сжало спазмом. Сглотнув тяжелый ком, Лу Чжао опустил руку и крепко переплел пальцы с ладонями Цэнь Яна, лежащими на его талии. Медленно развернувшись в его кольцо, он уткнулся лицом в изгиб шеи друга, отвечая на объятие со всей накопившейся отчаянной нежностью.

— Я заставлю его заплатить, — глухо, но твердо пообещал Лу Чжао.

— Мы заставим его заплатить, — поправил Цэнь Ян.